

«Д. Друга заступати не срамляіся», или: Наш друг и коллега Мария Кристина Брагоне. Ее роль в итальянской и международной славистике

Лаура Росси

Недавно мне пришлось написать панораму исследований, посвященных «долгому XVIII веку», сделанных итальянскими славистами на протяжении последних тридцати лет. Волей судьбы, то, что было задумано как очередной беспристрастный научный обзор, превратилось в настоящее испытание совести для меня самой, но как части целого поколения. Речь идет о том «промежуточном» (впрочем, как и все) поколении, которое начало свой академический путь в самом конце 1980-х – начале 1990 годов, с энтузиазмом выбрало XVII–XVIII века предметом своих научных исследований и в настоящее время приближается к (итальянскому) пенсионному возрасту. В технологической перспективе это — последнее поколение, которому приходилось организовать за несколько месяцев вперед стажировку или командировку, чтобы заказать в Музее Книги или в Исторической Библиотеке или в БАНе тексты-оригиналы и читать их там (делая записи ручкой) — те самые тексты, которые сейчас за несколько секунд можно скачать на сайте НЭБ. В исторической же перспективе... не стоит распространяться о тех событиях, свидетелями которых мы стали: они во многом определили и определяют наши достижения и решения, а здесь останутся в скобках.

О своей панораме я упомянула лишь потому, что в конце работы, стараясь понять закономерности снижения интереса к нашему любимому XVIII веку, уменьшения числа желающих заниматься данной темой в молодом поколении, я неожиданно для себя пришла к выводу, что даже среди нас далеко не каждый посвятил XVIII столетию все свои силы, а «только Мария Кристина Брагоне на протяжении всей своей академической деятельности занималась

исключительно текстами и темами относящимися к XVII–XVIII векам»¹. И этим ее научный путь сближается с научными путями русских коллег и, возможно, отчасти поэтому ее работы в последние десятилетия оказали плодотворное влияние на понимание культуры Петровской эпохи, как у нас, так и в России. Теперь пестрая, но компактная группа ученых из Италии, Франции, Германии, Польши, России, Израиля, Китая и США решила отметить 65-ый юбилей Кристины², ее 65-летие, не обычным Festschrift-ом, а настоящей книгой с единой вполне определенной темой — язык, образование и культура в России Петровского времени.

Любопытно, что все началось совсем иначе. Когда мы с Кристиной познакомились в июле 1983 года, она писала дипломную работу в университете Генуи под руководством Марии Луизы Додеро о советской деревенской прозе (!). Мы собрались в МАДИ (Московском автомобильно-дорожном институте) из разных городов северной Италии на летних курсах русского языка, организованных Обществом дружбы Италия-СССР. Мы с Кристиной попали, кажется, в разные группы — я была еще на третьем курсе Венецианского университета, а она почти дипломница, и уже побывала в Советском Союзе, кажется, в Краснодаре. Но нас, по-видимому, сблизил интерес к книжным магазинам, помимо достопримечательностей города и новых знакомств. Мне запомнилось посещение «Педагогической книги» на Кузнецком мосту, где я в первый раз услышала, именно от Кристины, имя Юрия Лотмана, и вслед за ней, еще не совсем понимая зачем, купила только что вышедшее первое издание его книги *Евгений Онегин. Комментарий*. С тех пор, и, надо сказать, до сих пор, Кристина стала для меня «Вергилием» в мире научных изданий. Все мы любим книги, среди нас есть и настоящие библиофилы, но Кристина отличается редким сочетанием любопытства к новинке и желания поделиться своими открытиями. Этим объясняется и ее забота о безупречном (и совсем не банальном) комплектовании «ее» библиотеки в университете Павии, где часто можно найти те книги, которых нет в других библиотеках.

По возвращении из Москвы время от времени я стала получать «вероятно полезные» для меня русские издания из тогда знаменитого Генуэзского «русского» книжного магазина. Мы с Кристиной обменивались и письмами: то между Генуей и моим городом, Триестом, то между одним из этих городов и Москвой, так как в те годы (1984–1988) мы обе разными путями старались усовершенствовать свои знания в более длинных стажировках то в Институте им. Пушкина, то в МГУ через министерство иностранных дел. Раза два виделись

¹ На самом деле, библиография исследовательницы включает и статьи по более поздней тематике (связанные с ее биографией или интересами): о поэессе эмигрантке (в Нерви, недалеко от Генуи) Лидии Лебедевой, о Б. К. Зайцеве, и об образе Алисы в стране чудес в России. См. список научных трудов Марии Кристины Брагоне в нашем сборнике.

² Трудно разобраться в итальянских составных личных именах, где первое имя — Мария. В быту, в каждом случае по вкусу, то ли оно полностью вытесняет второе имя, от которого не остается и следа (Мария Ди Сальво), то ли — само исчезает (Кристина Брагоне), то ли объединяется со вторым, создавая одно имя (Мариялуиза Феррацци).

и там и снова встретились в Риме, участвуя в первом за двадцать лет конкурсе на место журналиста Итальянского телевидения, конкурса, бывшего для нас обеих, собственно фальстартом. Для Кристины, дочери журналиста, это была, возможно, уступка или дань уважения любимому отцу. Но за это время ее настоящие научные интересы, очевидно, успели определиться, и когда на рубеже 1988–1989 годов мы опять встретились в Риме в университете La Sapienza в качестве участниц вступительного конкурса в аспирантуру по Славистике, Кристина уже говорила о повестях XVII века как о возможной теме диссертации.

Пора раскрыть секрет (Полишинеля?) моего поступления. Тогда в Италии таких аспирантур было всего две, конкурс объявляли один раз в два года, и желающих собралось довольно много. Письменный экзамен мы с Кристиной сдали, и вот через месяц мы сидим в коридоре в ожидании устного. Приглашают на собеседование в алфавитном порядке, но начиная со случайно выбранной буквы, так что моя фамилия на «Р» оказывается раньше фамилии Кристины на «Б». Выходят смущенные коллеги: профессор Джузеппе Дель Агата, оказывается, спрашивает всех, кто такой был Григорий Цамблак, а никто не знает. И я понятия не имею, и быстренько, нагло/наивно спрашиваю Кристину. Она, не колеблясь, отвечает: «Болгарский полемист», что я и повторяю перед комиссией. Итак, и благодаря знаниям и великодушию Кристины я поступила в аспирантуру, она, конечно же, тоже, и с нами ее сокурсница из Генуи и моя тёзка Лаура Сальмон. Во время аспирантуры, особенно в течение первого года, мы с Кристиной часто разделяли комнату в скромных гостиницах недалеко от Папского Восточного Института, стол, в том же самом институте и в ресторанчиках или пиццериях. Последнее повторялось во время стажировки в Москве в 1991 году, и далее, если наши командировки или участие в конференциях совпадали.

Но я не буду продолжать рассказ о нашем сотрудничестве, о нашей дружбе, и перейду к карьере Кристины, особенно к тем сторонам карьеры, которые не видны за сухими строками трудовой автобиографии. После защиты диссертации (1993) Кристина не сразу получила постоянное место работы в университете. Ее первым назначением в 1996 году стал город Витербо, недалеко от Рима, но безусловно далеко от ее родной и любимой Генуи. Когда, после нескольких переездов, Кристина снова смогла поселиться в Генуе, это было уже навсегда, и на работу она стала ездить на поезде: не случайно для своей университетской страницы в интернете, она выбрала именно фотографию, изображающую ее в железнодорожном вагоне, не измученную, а симпатично улыбающуюся.

Долгое время одной из причин немедленных возвращений домой были ожидающие ее там кошки, сначала гигантский норвежский кот Паллино (Шарик), затем парочка, кот и кошка, Лилло и Зоя. Тогда в ее случае и вправду можно было бы повторить известную шутку о том, что если за каждым великим мужчиной стоит великая женщина, то за каждой великой женщиной стоит великий кот. А теперь, конечно же, если за Кристиной кто-то и стоит, то это — великий муж. С 2001 года она работает в Павии, относительно близко к дому; в 2010 году она стала доцентом (*professore associato*).

Университет Павии — престижный, исторический вуз Италии, но, когда Кристина начала в нем работать, там кафедра славистики была практически пустой, и Кристине пришлось преподавать всё: от русского языка до русской литературы всех эпох, от «славянской филологии» до истории русского языка. Постепенно она приглашала коллег, создавала сеть научных обменов, в итоге собрала команду учеников. Благодаря ее усилиям — преподаванию университетских курсов и занятиям с аспирантами — выросло новое поколение коллег.

Несмотря на насыщенную жизнь и на ранние проблемы со здоровьем, к счастью не из «страшных» и всегда спокойно переносимые, Кристина никогда не отказывается и от обязанностей, связанных с ролью университетского профессора и ученого, от трудоёмкой работы руководителя программы Эразмус, от участия в многочисленных конкурсных комиссиях и в руководстве Итальянского общества славистов (2014-2017), от работы в редакциях научных журналов и серий книг, включающей редактирование важных и «сложных» номеров и сборников. Все это, как мне кажется, — исключительно из ярко выраженного чувства долга и сознания собственного достоинства. И повсюду ее не покидает ясное видение того, что честно и правильно в данной ситуации.

Но мы собрались здесь отметить юбилей Кристины, в первую очередь потому, что ее ум, начитанность и редкая трудоспособность заслужили ей важное место в науке славистики. Эта последняя часть моего *laudatio* обращена не столько к авторам статей и друзьям Кристины, сколько ко всем будущим читателям этого сборника, поэтому я буду теперь называть (Марию) Кристину (Брагоне) «исследовательницей». Комплекс ее строго научных статей, не особенно длинных, но полных оригинальных и метких наблюдений и всегда содержащих намеки на будущие исследования, отличается особой органичностью и связностью. В его основе — отличное знание латинского, древнегреческого, старославянского и немецкого (не только современного) языков, казалось бы неожиданное, а у нее органическое сочетание достижений позитивистской школы конца XIX века и культурологического направления конца XX века, живой интерес к истории языка, к истории книги, к развитию педагогики, к межкультурным контактам на пересечении времен и территорий.

Уже диссертация и последующая статья (1991) о грамматике *Адельфотес* исследуют и западные источники текста (ср. также статью: Bragone 1995), и православное братство города Львова, и типографию тогда уже покойного Ивана Фёдорова, буквы и печатный станок которой были использованы при печатании. Интерес исследовательницы к вкладу в русскую культуру тех типографий, которые были расположены за рубежом, и к переводам с греческого языка, проявляется в двух статьях 1996 и 1998 годов о переводах *Тактик* императора Льва VI Мудрого. Первый перевод, с латинского языка на старославянский, выполнил литератор-протестант Илья Копиевский, и напечатал в Амстердаме Ян Тессинг; второй, оставшийся в рукописи, с греческого оригинала, — Федор Поликарпов. Эта мало изученная сторона деятельности московского литератора находится также в центре другой статьи, опубликованной в малодоступном итальянском издании (под редакцией самой

исследовательницы) в 2002 году. Описание армянской литургии, написанное в Венеции на итальянском языке миссионером Джованни Агопом для того, чтобы приблизить армян к Римской церкви, было переведено на греческий язык Софронием Лихудом, а затем Поликарповым «на славенск диалект», специально для Петра Великого, желающего получить сведения о христианских подданных Османской империи. Проливает свет на культурную политику Петра и более поздняя статья Эразм Роттердамский — учитель голландского языка? (*К истории судьбы Colloquia familiaria в России в XVIII веке*) (2013): это одна из целой серии работ, посвященных великому гуманисту, о чем речь пойдет ниже.

Однако основное направление исследований М. К. Брагоне 2000-х годов это — учебные пособия и, в частности, буквари. После статьи об *Одном рукописном церковнославянско-греческом азбуковнике*, анонимном памятнике русской лексикографии второй половины XVII века, и одной предварительной статьи (обе 2003), через пять лет выходит очень серьезное научное издание (не гражданским, как у нас тогда было принято, а церковным шрифтом) другого, особенно богатого (140 стр.), анонимного учебника, который исследовательница обосновано приписывает Евфимию Чудовскому. На самом деле, книга *Alfavitar radi učenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento* (2008) представляет собой и настоящую монографию о жанре букваря: подробный комментарий на итальянском языке выявляет глубокое знание и понимание всей его традиции, как предшествующей, так и последующей. Отдельным эпизодам истории этой традиции посвящены и другие исследования М. К. Брагоне: букварю Симеона Полоцкого (2014), *Первому чтению отроком* Феофана Прокоповича (2020), *Юности честному зерцалу* (2021), к которому восходит цитата в моем заглавии, *Букварю* (Венеция 1767) Захарии Орфелина, рассмотренному в связи с русскими источниками и в контексте теории о воспитании Дж. Локка и Ш. Роллена (Bragone 2020, 2022).

А с изданным ею букварем прямо или косвенно соотносятся две (или три) другие линии работ исследовательницы: о сочетании литературы (в частности наследия Эзопа) и арифметики в одних и тех же учебниках и о рецепции Эразма Роттердамского. Небольшая глава *Алфавитара*, посвященная арифметике, что для букварей необычно, привела к изучению упоминаний об этой дисциплине в двух работах 1699 года типографа Ильи Копиевского. Речь идет о *Введении кратком во всякую историю* и о *Кратком и полезном руковедении во арифметику* (Bragone 2008), предшествовавших знаменитой *Арифметике* Магницкого, которая, в свою очередь, была украшена стихами (Bragone 2013). Вместе с тем присутствие в учебнике по арифметике Копиевского семнадцати басен Эзопа повлекло за собой создание серии статей о русских рукописных или печатных переводах из этого автора (Bragone 2010b, 2012b, 2012c, 2015a).

Наличие, хотя и анонимно, в букваре Евфимия Чудовского *Гражданства нравов благих* — перевода с польского языка известной переделки в форму катехизиса трактата *De civilitate morum puerilium* Эразма Роттердамского — вероятно, побудило исследовательницу глубже заняться темой рецепции голландского гуманиста и переводами этого произведения (Bragone 2005, 2006,

2007, 2010, 2012), в том числе рукописным трудом ученого-пиетиста и педагога Иоганна Вернера Пауса, работавшего в Москве с 1702 по 1735 год. Большой интерес представляют статьи, посвященные и другим рукописным переводам Пауса. Изучив черновой и белой экземпляр *Книг о воспитании дочерей*, исследовательница определила, что их источником является трактат Фенелона *De l'éducation des filles* (Bragone 2012). Рукописные переводы Пауса изучаются как в контексте Петровской политики (*Малый катехизис* Лютера, Bragone 2015, 2017, 2021), так и преподавания языков (*Сборник Иоанна Стобея*, Bragone 2018), а также в более общем плане вклада иностранных писателей в эволюцию русского литературного языка (*Малый катехизис... Лютера* и *Selectiora quaedam colloquia latino-germanica* Георга Сейбольда, Bragone 2021).

Другие статьи исследовательницы — некоторые из них обращены к более широкой публике ученых, не только славистов — касаются становления светской культуры и обучения правилам поведения в XVII-XVIII веках и вообще детской литературы (Bragone 2003, 2007, 2014, 2015, 2017). Но внимание М. К. Брагоне привлекают и такие темы, как история отношений церковнославянского, латинского и греческого языков в XVI-XVII веках (Bragone 1995, 2019), становление украинской лексикографии в России XVIII века (Bragone 2000), иконография святого Петра (Bragone 2001), топика сада-земного рая в литературе XVII века (Bragone 2007). Ее многочисленные рецензии теснейшим образом связаны с основной линией ее собственных исследований.

Логика развития научных интересов юбиляра определила содержание и распределение материала в настоящей книге, которая, в свою очередь, ставит своей целью побудить исследовательницу собрать, на самом деле уже готовую, вторую — или вторую и третью — монографию(-и) и, главное, пожелать Кристине еще очень долго продолжать работать на том поприще, где у нее есть и международные соратники, и ученики, и искренние друзья.

Милан, 11 мая 2024